

A romantic anime-style illustration featuring a young man and woman. The man, on the left, has dark brown hair and is wearing a light green button-down shirt over a dark brown t-shirt. He is looking towards the woman with a gentle smile. The woman, on the right, has long, flowing red hair and is wearing a pink off-the-shoulder dress with ruffled sleeves. She has a large pink peony flower in her hair and is looking directly at the viewer with a soft expression. Her hand is resting on the man's chest. The background is filled with pink cherry blossoms and green leaves under a clear blue sky.

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

ИГРА ЛЮБВИ

Сергей Патрушев

Игра Любви

«Автор»

2026

Патрушев С.

Игра Любви / С. Патрушев — «Автор», 2026

Дэкон, блестящий ловелас и мастер интриг, погибает нелепо — поскользнувшись на мокрой простыне. Но вместо забвения его ждёт белоснежный зал и сама Богиня Судьбы, которая, наблюдая за его похождениями, влюбилась в него без памяти. Вместо наказания она дарует ему второй шанс: новый мир меча и магии, новое тело бастарда и два уникальных дара — Магию Очарования, способную внушить любовь одним взглядом, и Магию Скрытности, делающую его невидимым призраком. Дэкон быстро понимает: правила здесь диктует он. От дочери мельника до королевы — ни одна женщина не может устоять перед его чарами. Он плетёт паутину интриг, поднимается от нищего бастарда до тени на троне, вербует двойных агентов и подставляет невиновных. Но чем выше он поднимается, тем опаснее игра. Тайная канцелярия идёт по его следу, ревнивая богиня лишает его сил, а любовь к королеве, впервые в жизни настоящая, грозит стать смертельной. Ведь тот, кто играет с судьбами, рискует однажды проиграть свою собственную.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последний рывок	5
Глава 2. Капризная богиня	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Игра Любви

Глава 1. Последний рывок

Предрассветный сумрак, густой и влажный, словно мокрое шерстяное одеяло, окутывал герцогский замок, стоящий на скалистом берегу реки. Ветер, прилетевший с севера, принес с собой запах дождя, тины и мокрого камня. Он гулял по узким коридорам, завывал в каминных трубах, шевелил гобелены, на которых были вытканы сцены охоты и любовных утех, и проникал в спальни, где спали люди, утомленные вчерашним пиром. Замок, огромный, мрачный, построенный еще в те времена, когда предки нынешнего герцога воевали с соседями за каждую пядь земли, казался живым существом, которое дышало, вздыхало и переваривало пищу, как старый, больной зверь. Внутри него, в одной из самых роскошных спален, на втором этаже, за плотными шторами из тяжелого бархата, лежал Дэкон, человек, чье имя знали все — от последнего конюха до первого советника короля. Лежал он не один.

Рядом с ним, уткнувшись носом в его плечо, спала женщина. Ее звали Элизия. Молодая вдова барона, женщина с рыжими волосами, которые сейчас разметались по подушке огненным ореолом, и кожей, белой, как первый снег. Она дышала ровно и глубоко, и во сне ее губы слегка улыбались, словно она видела что-то приятное. Дэкон не спал. Он лежал на спине, раскинув руки на шелковых простынях цвета слоновой кости, и лениво наблюдал за тем, как играют блики свечей на лепном потолке. Свечи догорали. Их осталось всего три, и они отбрасывали на стены причудливые, дрожащие тени. В комнате стоял запах жасмина, женского пота, дорогого вина и еще чего-то неуловимого, что всегда сопровождало Дэкона — запах опасности и удовольствия, смешанных в равных пропорциях.

Дэкон был красив. Не той правильной, холодной красотой, которая вызывает восхищение, но не желание, а той опасной, порочной красотой, которая притягивает, как огонь притягивает мотылька. Темные волосы, волнистые, непослушные, которые он никогда не укладывал, потому что знал, что женщинам нравится их трогать. Глаза — серые, с зелеными искрами, которые вспыхивали, когда он смеялся или когда он лгал. А лгал он часто. Лгал он виртуозно, самозабвенно, так, что даже самые недоверчивые женщины верили ему, а самые умные мужчины не могли уличить его в обмане. Он был мастером интриг, человеком, который плел паутину из слов, взглядов и прикосновений, и в эту паутину попадались и герцогини, и простые мещанки, и даже жены королевских советников. Он не искал богатства, не искал власти. Он искал игру. Саму игру, в которой он был и охотником, и добычей, и судьей, и палачом.

Он родился в семье обедневшего рыцаря, который оставил ему в наследство лишь старый меч, ржавые доспехи и долги. С детства Дэкон понял, что мир жесток и что выжить в нем можно только двумя способами: либо имея силу, либо имея хитрость. Силы у него не было. Он был худ, невысок, и в драке всегда проигрывал. Зато хитрости было столько, что она переливалась через край, как вино из переполненной чаши. Он научился улыбаться, когда хотелось плакать, говорить комплименты, когда хотелось ругаться, и целовать руку, когда хотелось ударить. Он научился слушать. Слушать так, чтобы женщина чувствовала себя единственной, неповторимой, той, ради которой он готов на все. И женщины отвечали ему взаимностью. Они открывали ему свои сердца, свои кошельки, свои постели. Они дарили ему драгоценности, деньги, дома. Они спасали его от кредиторов, от долговых тюрем, от разъяренных мужей. И он принимал все это как должное. Как дань, которую мир платит за его талант.

Но сейчас, лежа в постели герцогини Элизии, он чувствовал не triumph, не удовлетворение, а лишь легкую усталость. Вчерашний вечер был долгим. Сначала пир в большом зале, где он развлекал гостей историями о своих похождениях, опуская самые пикантные детали и добавляя те, которых не было. Потом танцы, где он кружил Элизию в вальсе, и ее рука лежала на его плече, а ее глаза смотрели на него с тем особым блеском, который он знал слишком хорошо. Потом разговор в саду, где он говорил ей о звездах, о вечности, о том, что их встреча — это не случайность, а воля судьбы. Он говорил это каждой женщине, но каждый раз это звучало по-новому. Потом ее спальня, где они пили вино из серебряных кубков, а свечи горели так же, как сейчас, только их было больше. Потом страсть. Дикая, необузданная, как река в половодье. И вот теперь он лежал, глядя на потолок, и думал о том, что пора уходить.

Он знал, что должен был уйти еще час назад, сразу после того, как страсть утихла, а вино перестало туманить разум. Но уходить вот так, в темноте, крадучись, как вор, было не в его стиле. Он предпочитал уходить с рассветом, когда петухи уже пропели, а слуги начинали свою возню внизу, и можно было, одеваясь, любоваться на спящую красавицу в лучах утреннего солнца. Это придавало всему действию некую завершенность, эстетику, что ли. Кроме того, герцог, старый и вечно занятый войной с соседями, находился в отъезде уже вторую неделю, и риск столкнуться с ним был минимален. Дэкон знал, что герцог — человек жестокий, мстительный, но при этом на удивление доверчивый. Он верил своей жене, верил своим слугам, верил в свою неприкосновенность. И это было его слабостью. Слабостью, которой Дэкон не преминул воспользоваться.

Он потянулся за туникой, небрежно брошенной на спинку резного стула. Туника была из тонкого льна, расшита золотыми нитями, и стоила столько, сколько крестьянин зарабатывал за год. Дэкон не покупал ее. Ему подарила ее герцогиня Кларисса, жена герцога Орлеанского, женщина, которая была старше его на десять лет и которая души в нем не чаяла. Он носил эту тунику каждый раз, когда шел на свидание, чтобы она видела, что его подарок ему дорог. Это была маленькая хитрость, одна из тысячи. Женщины ценили такие мелочи. Они думали, что если он носит их подарки, значит, он их любит. А Дэкон любил только себя. И еще игру.

Ткань тихо шуршала в тишине комнаты, когда он натягивал ее через голову. Он уже почти надел тунику, когда услышал звук. Не тот привычный скрип половиц или завывание ветра в каминной трубе, а тяжелый, ритмичный топот множества ног в коридоре. Топот, приближающийся с пугающей скоростью. Сердце Дэкона пропустило удар. Он замер, прислушиваясь. Голоса. Мужские, грубые. И среди них — один женский, высокий и визгливый, полный ярости. Голос, который он узнал бы из тысячи. Голос герцогини Клариссы. Той самой, с которой он, по его собственным заверениям, порвал еще месяц назад.

— В спальню! Немедленно! — кричала она. — Я знаю, он там! Этот мерзавец, этот змей! Я знаю, что он там! Он с ней! С этой рыжей шлюхой!

Дэкон выругался сквозь зубы, чувствуя, как холодный пот выступает на лбу. Как? Как она узнала? Он был так осторожен. Он всегда был осторожен. Он никогда не оставлял следов, никогда не писал писем, никогда не говорил лишнего. Но, видимо, недостаточно. Времени на раздумья не было. Дверь в спальню содрогнулась от мощного удара. Еще одного. Замок, хоть и был крепким, долго не выдержит. Дэкон бросил взгляд на спящую Элизию. Она даже не шевельнулась. Глубокий сон праведницы, которая знает, что ее-то уж точно не тронут. Дэкон не стал ее будить. Не из благородства, просто не было времени на объяснения и сцены. Кроме

того, он не был уверен, что она обрадуется, узнав, что он обманывал ее с другой женщиной. Женщины, как правило, не любят таких новостей.

Единственный путь к отступлению вел через балкон. Дэкон метнулся к стеклянным дверям, ведущим на террасу. За ними, в предраассветной мгле, виднелись перила и темная пропасть внутреннего двора. Второй этаж. Высоковато, но не смертельно. Если прыгнуть на клумбу с розами, можно отделаться парой синяков и глубоких царапин. По крайней мере, это лучше, чем быть зарезанным разъяренным мужем или, что еще хуже, публично опозоренным. Дэкон знал, что герцогиня Кларисса не просто так пришла сюда с guards. Она пришла мстить. Она пришла убивать. И она не остановится, пока не увидит его кровь.

Он рванул ручку двери. Та поддалась с тихим щелчком. В лицо ударил холодный ночной воздух, пахнувший дождем. Дэкон шагнул на балкон, но тут же остановился, как вкопанный. Перед ним, натянутая между перилами и специально вбитыми в стену крюками, висела длинная веревка. На ней, тяжело провисая под собственной тяжестью, сохло белье. Огромные, размером с парус, простыни, наволочки, нижние юбки герцогини, отделанные кружевами, и несколько пар панталон. Все это мокрое, тяжелое, отвратительно мокрое, потому что дождь прошел всего час назад. Белье было накрахмалено и пахло мылом и лавандой. Оно висело так плотно, что казалось стеной, отделяющей Дэкона от свободы.

— Проклятие! — прошипел Дэкон. — Только этого не хватало.

Он попытался оттолкнуть мокрую преграду рукой, но скользкая, мыльная на ощупь ткань облепила его ладонь, заставив поскользнуться. Он дернул руку, но простыня, как живая, обмоталась вокруг его запястья. В этот момент дверь в спальню с грохотом распахнулась, ударившись о стену. В комнату ворвалась герцогиня Кларисса в сопровождении двух стражников с факелами. Свет выхватил из темноты перепуганное лицо Элизии, которая наконец проснулась и теперь сидела на кровати, прикрываясь одеялом, и фигуру Дэкона, застывшего на пороге балкона в одной тунике, с растрепанными волосами и безумным взглядом.

— Вот ты где! — взвизгнула герцогиня. В ее руках был арбалет. Не декоративный, а настоящий, боевой, с натянутой тетивой и заряженным болтом. — Я знала! Я чувствовала! Ты думал, что сможешь обмануть меня, Дэкон? Думал, что я не замечу, как ты смотришь на эту... эту... — она не нашла слов, чтобы описать Элизию, и просто задохнулась от ярости. — Я дала тебе все! Я любила тебя! Я рисковала ради тебя своим именем, своей честью, своим мужем! А ты... ты...

— Дорогая, — Дэкон попытался изобразить обаятельную улыбку, хотя внутри у него все сжалось от ужаса. — Это совсем не то, что ты думаешь. Я просто... э-э... проверял крепость перил. Да, именно так. Герцог просил меня оценить качество ремонта. Он собирается устроить здесь бал, и я...

— Заткнись! — Она вскинула арбалет. — Сейчас я проверю, насколько крепка твоя шкура!

Дэкон понял, что уговоры не помогут. Нужно действовать. Он снова попытался отодвинуть мокрое белье, чтобы расчистить путь к отступлению. Но ткань, тяжелая и скользкая, обмоталась вокруг его ног, как щупальца морского чудовища. Он дернулся, теряя равновесие. В этот момент герцогиня выстрелила. Болт просвистел совсем рядом, вонзившись в дверной косяк

как раз там, где секунду назад была голова Дэкона. Щепки полетели ему в лицо. Он отшатнулся, инстинктивно пытаясь увернуться, и сделал шаг назад, прямо в мокрую простыню. Нога поехала по мокрому шелку, как по льду. Дэкон взмахнул руками, пытаясь ухватиться за перила, но пальцы схватили лишь скользкую, мыльную ткань. Он потерял опору. Мир наклонился, перевернулся, и Дэкон с ужасом осознал, что летит вниз.

Падение длилось всего мгновение, но для Дэкона оно растянулось в вечность. Он успел увидеть перекошенное лицо герцогини, застывшее в проеме балкона, ее рыжие волосы, развевающиеся на ветру. Успел увидеть испуганные глаза Элизии, выглядывающей из-за ее спины. Успел почувствовать, как мокрое белье, запутавшееся вокруг его ног, трепещет, как флаг на ветру. И успел подумать.

«Какая глупая смерть...»

Это была его последняя мысль, яркая, как вспышка молнии, и горькая, как вкус желчи. Дэкон, мастер интриг, покоритель женских сердец, человек, который всегда находил выход из любой, даже самой безвыходной ситуации, погибал из-за какой-то мокрой простыни. Не от меча ревнивого мужа, не от яда, подсыпанного в вино, не от кинжала наемного убийцы, а от того, что поскользнулся на бельевого веревке. Судьба, казалось, решила посмеяться над ним в последний раз, и этот смех был злым и беспощадным. Он всегда считал себя выше обстоятельств, выше случайностей, выше самой смерти. Он думал, что его ум, его хитрость, его обаяние защитят его от всего. Но сейчас, падая в темноту, он понял, как ошибался. Смерть не разбирает, кто перед ней — гений или дурак. Она приходит ко всем, и часто выбирает самый нелепый, самый унижительный путь.

Удар о землю был сильным и неожиданно коротким. Хруст костей, вспышка боли, и темнота. Внутренний двор, вымощенный булыжником, принял его тело без всякого почтения. Мокрое белье, все еще обмотанное вокруг ног, медленно пропитывалось кровью, растекающейся по камням темной лужицей. Тишина, наступившая после падения, была оглушительной. Только ветер шелестел в листьях роз, растущих вдоль стены, да где-то вдалеке лаяла собака. Стражники, стоявшие на балконе, переглянулись, не зная, что делать. Герцогиня, опустив арбалет, смотрела вниз, на распростертое тело. Ее лицо, еще минуту назад искаженное яростью, теперь было бледным и растерянным. Она не хотела этого. Она хотела припугнуть, пристрелить, может быть, даже убить, но не так. Не так глупо и нелепо.

Элизия, выглядывая из-за ее плеча, закрыла рот рукой, сдерживая тошноту. Она видела смерть и раньше, но эта... эта была какой-то неправильной. Слишком быстрой, слишком нелепой. Она перевела взгляд на герцогиню, и в ее глазах читался вопрос: «Что мы теперь будем делать?» Но герцогиня не смотрела на нее. Она смотрела на Дэкона, и в ее душе боролись ярость, облегчение и страх. Ярость за измену, облегчение от того, что он больше не сможет обмануть ее, и страх перед тем, что будет дальше. Она убила человека. Пусть нелепо, пусть случайно, но убила. И теперь эта смерть ляжет на ее плечи тяжелым грузом.

Дэкон лежал на камнях, и его тело начинало коченеть. Мокрое белье, все еще висящее на веревке, слабо покачивалось на ветру, словно прощаясь со своим незадачливым наездником. В утреннем свете, который только-только начал пробиваться сквозь серые облака, было видно, что одна из простыней порвалась. Та самая, на которой он поскользнулся. Длинная полоса ткани, оторванная от основной массы, свисала с перил, касаясь земли рядом с его головой, как белый флаг капитуляции перед лицом неизбежного. Слуги, проснувшиеся от шума, начали

выползать из своих каморок. Они сбивались в кучки, шептались, крестились, глядя на тело. Никто не решался подойти первым. Смерть всегда пугала их, а смерть такого человека, как Дэкон, который еще вчера вечером пировал в общем зале, смеялся, шутил, раздавал золотые монеты, была особенно пугающей. Она напоминала о том, что жизнь хрупка и что даже самые удачливые и ловкие могут пасть жертвой случайности.

Герцогиня наконец отвела взгляд от тела и посмотрела на арбалет в своих руках. Оружие вдруг показалось ей тяжелым и чужим. Она разжала пальцы, и арбалет с грохотом упал на пол балкона. Этот звук вывел ее из оцепенения. Она резко развернулась и, не говоря ни слова, скрылась в глубине спальни. Стражники, пожав плечами, последовали за ней, оставив Элизию одну на пороге балкона. Она еще долго стояла, глядя вниз, на то место, где закончил свой жизненный путь человек, который час назад был в ее постели. Ветер трепал ее рыжие волосы, и в его шепоте ей слышалось имя Дэкона. Но это было лишь игрой воображения.

Внизу, во дворе, началась суeta. Кто-то побежал за лекарем, хотя всем было ясно, что помощь уже не нужна. Кто-то отправился за городским стражником, чтобы засвидетельствовать смерть. Двое дюжих лакеев, наконец, решились подойти к телу. Они осторожно, стараясь не смотреть на раздробленную голову, приподняли Дэкона и оттащили его к стене, подальше от посторонних глаз. Мокрое белье, все еще опутывавшее его ноги, они сняли и бросили в лужу. Теперь оно было никому не нужно. Так закончилась жизнь Дэкона, человека, который всю свою жизнь избегал ловушек, расставленных другими, и сам расставлял их с изяществом и мастерством паука. Он плел интриги, заводил романы, обманывал мужей и любовников, всегда выходил сухим из воды, и вот теперь вода, в буквальном смысле, погубила его. Мокрая простыня, поскользнувшаяся под ногой, стала той самой соломинкой, которая переломила хребет верблюду. Точнее, тем самым камешком, который вызвал лавину, погребавшую под собой незадачливого ловеласа.

Смерть Дэкона не была героической. Она не была трагической. Она была просто глупой. И в этой глупости была вся суть его жизни. Жизни, прожитой ради удовольствия, ради игры, ради мимолетных побед. Он не оставил после себя ни наследников, ни великих деяний, ни написанных мемуаров. Только несколько разбитых сердец, несколько обманутых мужей и легенду о том, как блестящий кавалер, любимец женщин, погиб из-за того, что поскользнулся на мокром белье. Легенду, которая будет рассказана на кухнях, в тавернах, в будуарах знатных дам. Легенду, которая будет смешить людей и одновременно служить им предупреждением. Предупреждением о том, что рок может настигнуть человека в самый неожиданный момент, и что никто, даже самый ловкий и хитрый, не застрахован от случайности.

Солнце медленно поднималось над горизонтом, заливая внутренний двор герцогского замка холодным, безжалостным светом. Лучи осветили лужу крови, растекшуюся по булыжникам, и мокрое белье, брошенное рядом. Они осветили и тело Дэкона, лежащее у стены, накрытое грязной попоной, которую кто-то из сердобольных слуг принес из конюшни. Над замком висел запах жасмина и пороха, смешанный с запахом смерти. Герцогиня, запершись в своей спальне, сидела перед зеркалом и смотрела на свое отражение. Ее руки дрожали. Она не плакала. Она просто смотрела и не узнавала женщину в зеркале. Женщину, которая только что убила человека. Пусть нелепо, пусть случайно, но убила. И теперь эта смерть ляжет на ее плечи тяжелым грузом. Она понимала, что это только начало. Начнется расследование, поползут слухи, придет герцог. И ей придется врать, изворачиваться, объяснять. Но это будет потом. А сейчас она просто сидела и смотрела на свое отражение, и в ее глазах медленно гас огонь.

А Дэкон, вернее, то, что от него осталось, лежал во дворе, и ветер шевелил край попоны, открывая на мгновение его бледное, умиротворенное лицо. На нем застыло выражение удивления. Или, может быть, насмешки. Судьба сыграла с ним злую шутку. Но он, даже умирая, успел оценить ее иронию. «Какая глупая смерть...» — подумал он. И в этой мысли не было страха, не было сожаления. Только констатация факта. Факта, который теперь был высечен на его надгробии, пусть и невидимом, в памяти тех, кто его знал. Дэкон всегда любил красивые уходы. Он мечтал умереть на дуэли, или в объятиях прекрасной дамы, или, на худой конец, от старости, окруженный многочисленными отпрысками. Но судьба распорядилась иначе. Она подарила ему самый нелепый, самый смешной и самый неожиданный финал, который только можно было вообразить. И в этом финале была вся его жизнь. Жизнь, полная интриг, страстей, взлетов и падений. Жизнь, которая закончилась в тот момент, когда его нога коснулась мокрой простыни.

Так завершился последний рывок Дэкона. Рывок из объятий любовницы в объятия смерти. Рывок, который он совершил с присущей ему страстью и безрассудством. И хотя этот рывок был неудачным, он все равно оставался рывком. Движением. Жизнью. До самого конца. Ветер стих. Солнце поднялось выше. Начался новый день. День, в котором не было Дэкона. День, в котором его история стала легендой. Легендой о том, как мастер интриг проиграл свою последнюю партию. Проиграл мокрому белью. И в этом поражении было что-то настолько абсурдное и в то же время закономерное, что оно заставляло задуматься о природе удачи и судьбы. О том, что даже самые хитрые и ловкие не застрахованы от случайности. И о том, что смерть всегда приходит неожиданно. Даже если ты ждешь ее всю жизнь.

Тело Дэкона пролежало во дворе до полудня. Потом приехал городской стражник, пожилой, уставший человек с вечно недовольным лицом. Он осмотрел место происшествия, поцокал языком, записал что-то в свою книжицу и велел убрать тело. Слуги, дождавшись этого распоряжения, подхватили носилки и унесли Дэкона в сарай, где обычно хранили инвентарь. Там его и оставили, накрытого той же попоной, до выяснения всех обстоятельств. Герцогиня, узнав, что стражник уехал, немного успокоилась. Она даже вышла из спальни и спустилась вниз, чтобы отдать распоряжения насчет похорон. Она говорила спокойно, деловито, словно речь шла о захоронении старого слуги, а не о человеке, который был ее любовником. Никто не посмел напомнить ей об этом. Никто не посмел спросить, что она чувствует. Все делали вид, что ничего особенного не произошло. Просто несчастный случай. Просто глупая смерть.

А вечером, когда стемнело, в сарай, где лежало тело Дэкона, пробралась Элизия. Она принесла с собой свечу и небольшой букетик роз, сорванных с той самой клумбы, на которую он должен был упасть, но не упал. Она поставила свечу в изголовье, положила розы на грудь покойного и долго стояла молча, глядя на его бледное лицо. В свете свечи оно казалось спокойным и даже красивым. Смерть стерла с него все следы интриг, страстей и пороков, оставив только чистый, почти детский образ. — Прощай, Дэкон, — прошептала Элизия. — Ты был мерзавцем, но с тобой было весело. Надеюсь, там, куда ты попал, тоже найдется парочка мокрых простыней. Она усмехнулась сквозь слезы, которые вдруг навернулись на глаза, и вышла из сарая, оставив свечу догорать. Огонек дрожал на сквозняке, бросая причудливые тени на стены. Одна из теней скользнула по лицу Дэкона, и на мгновение показалось, что он улыбнулся. Но это было лишь игрой света и воображения. Дэкон больше никогда не улыбнется. Он ушел навсегда, оставив после себя только воспоминания и легенду. Легенду о последнем рывке.

Глава 2. Капризная богиня

Первое, что Дэкон осознал, — это тишина. Не просто отсутствие звука, не пауза между ударами сердца, не мгновение перед рассветом, когда мир замирает в ожидании первого луча. Нет. Это была абсолютная, всеобъемлющая, звенящая тишина, которая не окружала его, а проникла внутрь, заполняла каждую мысль, каждую клетку, каждое воспоминание. Она давила на уши сильнее любого грома, сильнее рева шторма, сильнее предсмертного хрипа. В этой тишине не было места ни страху, ни боли, ни сожалению. Было только осознание: он всё ещё существует. Вопреки всему. Вопреки законам, которые сам считал незыблемыми. Вопреки смерти, которая должна была стать концом.

Второе, что он осознал, — это свет. Белый, ровный, без источника, без теней, без границ. Он не лился откуда-то сверху и не поднимался снизу. Он просто был. Везде. Сверху, снизу, с боков, внутри. Свет, который не слепил, но и не позволял закрыться. Свет, который видел его насквозь. Дэкон попытался вспомнить, что произошло. Сначала пришла темнота. Потом — запах. Запах мокрого белья, сырости, ночного дождя и чужого дома. Потом — перила. Холодные, скользкие, покрытые каплями воды. Потом — полёт. Короткий, нелепый, почти комичный. И хруст костей. Боль, короткая и острая, как удар кинжала под ребро. А потом — ничего. Абсолютное, бесконечное ничто, в котором не было ни снов, ни видений, ни голосов. Только пустота. И вот теперь эта пустота сменилась белым залом, и Дэкон понял, что, вопреки всем законам логики и здравого смысла, он всё ещё существует. Существует и, что удивительно, не чувствует боли. Ни сломанных рёбер, ни раздробленного черепа, ни разорванных внутренностей. Только странная легкость, словно тело стало невесомым, словно он превратился в облако, плывущее в бесконечном молочном океане. Словно он больше не был телом. Словно он был мыслью, воспоминанием, тенью самого себя.

Он сел. Точнее, попытался сесть, но понял, что сидеть не на чем. Не было ни пола, ни стульев, ни земли. Он просто висел в этом белом пространстве, и его тело, лишённое привычной опоры, тем не менее подчинялось ему. Он мог двигать руками, ногами, головой. Мог моргать, дышать, слышать биение собственного сердца. Но всё это было каким-то ненастоящим, словно он играл роль самого себя в плохо поставленном спектакле. Словно кто-то невидимый дергал за ниточки, заставляя его изображать жизнь. Дэкон посмотрел на свои руки. Они были такими же, как при жизни: длинные пальцы, на правой — тонкий шрам от старой дуэли, на левой — перстень с печаткой, который он никогда не снимал. Перстень. Подарок одной вдовы, которая считала, что он женится на ней. Он не женился. Он вообще никогда ни на ком не женился. Он просто взял перстень, поцеловал её руку и исчез в ночи, как делал всегда. И вот теперь этот перстень был на его пальце. Значит, это не сон? Или сны умерших всегда такие подробные?

Он осмотрелся. Белый зал, если это можно было назвать залом, не имел ни стен, ни потолка, ни углов. Пространство уходило во все стороны, бесконечное и однородное, как снежное поле в зимнюю ночь. И в этом пространстве, прямо перед ним, стояла женщина.

Она была прекрасна. Но не той красотой, которая знакома смертным — не красотой плоти и крови, не красотой округлостей и изгибов, не красотой, которая увядает с годами. Это была красота иного порядка, красота, которая не подчиняется законам природы, которая не стареет, не тускнеет, не знает ни морщин, ни усталости. Её лицо напоминало мрамор — безупречно гладкое, идеально симметричное, словно выточенное рукой величайшего из скульп-

пторов, который знал, что создаёт не просто изображение, а саму идею красоты. Глаза её были цвета расплавленного золота, и в них пульсировал свет, живой, тёплый, проникающий в самую душу. В этих глазах можно было утонуть, как в море, и в то же время они обжигали, как прикосновение к раскалённому металлу. Волосы, длинные, волнистые, цвета лунного серебра, струились по её плечам и спине, спадая до самых пят. Они не касались пола, которого не было, а просто висели в воздухе, как и всё вокруг, подчиняясь каким-то иным, неведомым Дэкону законам. Каждая прядь двигалась сама по себе, словно жила собственной жизнью, словно в ней отражались далёкие звёзды и чужие миры. Одевание её было соткано из тумана и звёздного света, и оно переливалось, меняя оттенки от нежно-голубого до глубокого фиолетового, словно северное сияние, пойманное в ловушку ткани. Иногда в этом одеянии мелькали образы: то лицо ребёнка, то морщинистые руки старухи, то корона, то меч, то цветок, который распускался и тут же увядал. Это была не одежда. Это была сама история. Сама судьба. Само время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.